

Оглавление

Пролог. Голос	5
Глава 1. Отче	10
Глава 2. Отец	20
Глава 3. Дыхание	32
Глава 4. Плюс один, минус один	45
Глава 5. Дикий Кот, Белый Лис	55
Глава 6. Давай молчать	66
Глава 7. Нечисть	75
Глава 8. Подарки	85
Глава 9. Мало слов	100
Глава 10. Давай споем	109
Глава 11. Ради тебя	121
Глава 12. Зачем вставать	131
Глава 13. Неупокоенные	141
Глава 14. Темные свечи	152
Глава 15. Темные слова	160
Глава 16. Безмолвие	167
Глава 17. Молитва	180
Глава 18. Бездны нет	191
Глава 19. Горизонтально	201
Глава 20. Договоренности	212
Глава 21. Александрия	223
Глава 22. Падение	232
Глава 23. Поток	242
Глава 24. Восхождение	250
Глава 25. Святая вода	258
Глава 26. Святой источник	272
Глава 27. Побег	285
Глава 28. Ты можешь петь	294
Глава 29. Делай что хочешь	306
Глава 30. Сказки старого леса	314
Глава 31. Черно-белый лес	325
Глава 32. Выстрел в небо	334
Глава 33. Взрослые люди	339
Эпилог. In the End	346

Пролог. Голос

Кирилл

Все началось с кладбища.

Или с леса? Если взяться, то можно найти разные точки отсчета. Я мог бы вспомнить первое сентября — или тот день, когда весь класс заснул от моего голоса, а учительница чуть не задохнулась.

Но для нас двоих все началось с кладбища.

Когда потом я просыпался от кошмаров, мама говорила: «Кирюш, ты же маленький! Ты это придумал! Ты не можешь запоминать сны!» Ох уж это родительское высокомерие!

Мне было три, и я помнил не только похороны деда. Я помнил и то, как он водил меня по лесу, когда родители, занятые на работе, отвозили меня в его лесничество. Помнил, как он журил меня, когда я убегал и прятался. Помнил, какие сказки он рассказывал и почему погиб. Помнил все. Но то, что было до похорон, всплывало лишь по случаю, от похожего слова или внезапно найденной старой фотографии. Что-то осталось в сознании ярче, что-то стерлось, как давно просмотренный фильм: в голове сохраняются самые яркие моменты, а мелочи утекают, как вода сквозь пальцы.

Но похороны я не смогу забыть никогда. Кошмары приходили ко мне так часто, что иногда я сомневался, где реальность, а где нет. И было это на самом

деле или, как говорил психолог, происходило в детском воображении?

Я не знаю.

В любом случае для нас история началась с кладбища.

Мне там было грустно, но скучно: взрослые не обращают внимания, не замечают моих слез. А я ведь тоже любил дедушку! Он умер, потому что я рассказал про голоса леса, которые хотели убить вредных дядек! Почему взрослым можно обниматься и жалеть друг друга, но обо мне думать, что я ничего не понимаю и не чувствую? Будто не понимаю, что, промолчи я, дедушка не пошел бы в Заячий ложок и остался бы жив. Будто я должен вести себя как несмышленный младенец! А еще вокруг куча громких голосов, словно людей больше, чем пришло на похороны. Тогда я убегаю и кричу: «Мама, найди меня!» Прячусь за деревом. Тихо шепчу, как учил дедушка: «Спрячь меня, березка», а когда выхожу, на кладбище пусто. Никого нет.

Мама рассказывала, что на самом деле они с отцом были рядом. Но я вижу во сне иначе и верю, что и в реальности видел пустое кладбище.

Камень, металл, дерево. Свежие деревянные кресты с куском белой тряпки. Старые металлические оградки. Памятники — мрамор и гранит. Памятники — сотни чужих лиц. Сотни людей, ушедших на небеса. Памятники, березы, ветер — и пустота на серой от заморозка земле.

— Мам? — Я оборачиваюсь и не вижу никого. Кричу, но ветер сдувает голос, и в воздухе висит липкая тишина. А где-то, на краю видимости, ползет тьма. — Мам? Пап? Где вы? Помогите... Пожалуйста! Помогите!

Только шелест листьев, холод, молчание и мрак. Тьма ближе. Знаю, как только она доберется, то я исчезну, пропаду. Страшно, но кричать не выходит.

На одном из каменных обелисков я вижу свое лицо — и чуть не падаю в пустую могилу.

Меня подхватывают чьи-то нежные руки. Ставят на ноги, стряхивают с волос осенний лист, поднимают упавшую шапку с помпоном и немного неловко надевают на мою голову. Шапка наползает на глаза, но я молчу.

— Ты кого-то потерял, мальчик? — Голос звучит близко, но на кладбище никого нет. — Ты потерялся? — спрашивает смеющийся женский голос из пустоты. — Скажи, потерялся? Если потерялся, то помогу. Сам ты не выйдешь.

Теплая невидимая рука берет мою ручонку и ведет к дереву, у которого начались прятки.

— Кто ты, тетенька? Ты призрак?

От ее голоса и тепло, и страшно. Тепло, потому что тьма отступает. А страшно, потому что в голосе слышится и лед, и боль. Чувствую, надо бояться обладательницу голоса больше теней, но не могу отпустить руку, потому что знаю — тогда останусь на кладбище навсегда. Она смеется. Грустно, но красиво.

— Ведьма я, ведьма. А ты как попал сюда? Чей ты сын?

— Папин... — отвечаю я, и она снова смеется. А потом серьезным и гулким голосом добавляет:

— Ты только не забудь его похоронить. Не забудь, слышишь?

И толкает меня вперед, сквозь дерево. Я просыпаюсь.

Да, помню, как подбежал к родителям, как отец обнял и дал горсть земли кинуть на могилу деда. Помню шепотки на поминках, разговоры о том, что деда задрал дикий зверь. Тихо, чтобы мелкий я, стоявший в метре, не услышал. Будто я сам не знал, что случилось.

Вечером взрослые выпили, и кто-то начал фальшиво петь дедушкиного любимого «Варяга». Я разреvelся. «Плещут холодные волны...» звучали знакомо, но от чужого пения становилось больно. Папа утешал меня, хотя, кажется, он сам хотел плакать.

Только это стерлось — то ли было, то ли не было. А голос... голос я помню. От него я просыпался не одну ночь и так ревел от жуткой всамделишности происходящего, что мама с папой пригласили психолога. Он говорил много разного, но сны остались, как и голос.

Я сказал папе, что все хорошо. Лишь бы мама больше никого не приглашала, а папа не волновался и не считал меня маленьким и глупым. Папа и так ходил весь смурной после похорон, не хотелось его расстраивать. Поэтому я повторял мысленно дедушкину присказку, снова и снова: «Сны — всего лишь отражения, а не сама реальность».

Не реальность, понятно? Понятно, демоны?

Но лет в пять я не выдержал, испугался и сбежал с детсадовской прогулки в соседнюю церковь. Мы с Ленкой вылезли через дырку в заборе и гордо шагали по тротуару под огромными тополями. Играли: кто наступит на пересечение линий, того демоны заберут. Мы раньше и не так играли, и ничего не было. Сначала было весело балансировать на грани, но вот мимо пронеслась машина, и я потерял равновесие. Мой ботиночек соскользнул с цельной плитки, а из линии поднялась живая тень. Я струсил и рванул прочь. Далеко убежать не получилось: через пару минут я споткнулся, расшиб коленку и огляделся. Передо мной были ворота, а за ними церковь. А рядом — ни одной тени. Точно, никого вокруг. Начали звонить колокола, и я замер, задрав голову. Даже забыл отряхнуться после падения. Так и стоял, пока не раздался резкий голос: «Ты что здесь делаешь, попрошайка! Пшёл вон, а то в милицию отведу!» Тол-

стый дядька в черном платье махал на меня руками, будто я напакостил.

В милицию я не хотел, на улице светило солнце, теней больше не было. Так что пришлось вернуться в садик, стараясь больше не наступать на пересечение линий. Досталось мне знатно: Ленка ревела от того, что я ее бросил, воспитательница уже позвонила маме, а забирать меня приехал папа.

Потом я слышал голос снова. Другой, но тоже женский. Слов не помню, но каждый раз звучал тихий смех и становилось жутко. Не тепло, как от того, первого голоса. Только жутко и страшно.

И были сны. Пустое кладбище. Темнота. И голос, повторяющий снова и снова: «Ты только не забудь его похоронить». Порой я видел тени днем, слышал голоса и шепотки. Я снова просыпался от кошмара. Опять. Старался не шуметь: мама долго укладывала спать младшего брата и с укоризной смотрела на меня. Я старался быть сильным, но иногда тени наблюдали и будто ждали, что я скажу. Тогда приходилось молчать. Как-то тень в парке увязалась за папой, и я не говорил неделю, пока мама не вызвала логопеда. Пришлось отвечать, с опаской оборачиваясь на смеющийся мрак за углом. Тьма будто ждала чего-то. Будто ждала моих слов.

Глава 1. Отче

Нет, на самом деле все началось здесь, на мое первое Первое сентября.

Тогда я встретил отца Игоря и научился пользоваться своим Голосом.

Так ярко это вижу, будто вчера: мама пошла со мной на линейку. Брату четыре, Славка мелко семенит следом и смешно картавит. А я серьезный, в новом черном костюмчике — как у папы! — несу букет гладиолусов.

Мы шли тогда только с мамой, папа занимался делами бизнеса. Мелкий я был в восторге от отца, просил купить побольше крутых костюмов, мокасины Bugatti и не рюкзак с картинкой покемона, а красивый кожаный портфель — тоже «как у папы». Правда, все равно достался рюкзак, «потому что для спины полезно». Ну хоть кожаный, как мне сказали, и без дурацких картинок.

И вот я, такой деловой и гордый, стою на линейке... Почему это не снится мне в кошмарах? Может, потому что и так помню? Может, из-за того, что тогда ко мне пришел не только призрак?

Среди таких же наивных первоклашек ничего не предвещало беды, но в один момент поворачиваюсь — и не вижу никого. И снова раздается выворачивающий душу смех.

— Риль? — Славка дергает меня за рукав и повторяет дурацкое прозвище. Но я снова на праздни-

ке. Только за спиной классного руководителя, милейшей Анны Петровны, — неясная тень разворачивает крылья. Крылья прижимаются к вискам, обнимают голову. Женщина поправляет выбившуюся из прически прядь, прижимает руки к голове, словно от сильной боли. Хмурится. Я слышу голос темных крыльев.

Да... Никому ты не нужна. Никому. И дети эти шумные. Тупые. Вот бы они все...

— Уйди, — тихо шепчу я. — Уйди.

— Риль, ты бяка, — говорит Славка сзади и надует губки. — Вот возьму и уйду!

— Уйди! — повторяю уже громче, на меня оборачивается учительница и странно смотрит. — Уходи, — повторяю из последних сил и вижу, как тень уходит. Уходит, а я выдыхаю.

— Кирюш, ты как? — Мама касается плеча. — Устал? Линейка скоро закончится. — Извините, он, кажется, немного утомился, — говорит она учительнице. Анна Петровна умиротворенно кивает: «Да, дети не привыкли к долгим мероприятиям».

Я смотрю в сторону других классов на линейке и вижу заинтересованный взгляд мужчины в черном. Пронзительный, но добрый. И слышу тихий шепот: «Молодец».

И становится жутко так же, как от женского голоса из пустоты. Потому что мужчина не разжимает губ. Да и далеко он от меня, на площадке для родителей второго класса. Я отворачиваюсь. И стою, как игрушечный солдатик, смотрю прямо перед собой. И наплевать мне и на солидный костюм с бабочкой, и на рюкзак. Не замечаю, как мы идем в класс, и не радуется выпрошенная у отца старая ручка Parker. Я слышу все — но ничего из того, что говорит Анна Петровна. Иду будто сквозь туман, а в ушах вата. Помню,

когда зашли в класс, позвонил отец. Мама дала телефон, и я невпопад ответил на поздравления. Вечером стало радостно, что папа не забыл про меня. А тогда разумных слов не нашлось, и папа слушал дурацкий лепет. До сих пор обидно.

...Учительница дала нам задание приклеить бумажный колокольчик со своим именем к доске. Когда подошла моя очередь, я споткнулся и нечаянно уронил стопку бумаг с учительского стола.

— Простите...

— Все хорошо. — Она прищурилась, а за спиной поднялась тень. Снова.

— Отойди от меня! — Крик вышел резким, тонким. Подбежала мама, обняла.

— Он просто переутомился, — пробормотала Анна Петровна.

А я уже готов был зареветь. Тень висела за ней, хоть уже и не тянулась ко мне, но обхватывала женщину все больше и больше.

Какой интересный мальчик. Это ж появляется сила делать что угодно от его слов...

— Не подходите... Не надо!.. — шепчу я.

Открылась дверь, и я узнал мужчину с линейки. Вблизи он казался еще выше, чем на школьном дворе, и сложно было понять, сколько ему лет. Вроде не старше папы, но около светлых глаз — морщинки. Самое удивительное — на нем было длинное и черное платье. Учительница кивнула ему как знакомому, и я порадовался, что он не призрак.

— Батюшка, второй класс дальше по коридору.

— Знаю, я был уже у дочери. — Он оглядел класс. — Алина Владимировна, школьный психолог, попросила сюда зайти. Она сейчас занята, а у меня ведь тоже диплом так-то... На линейке заметили, что у мальчика стресс. Он улыбнулся мне: — Выйдем в коридор?